

Осень пришла как-то неожиданно. Пару дней назад еще светило холодное, но яркое октябрьское солнышко, в воздухе грустно, но вместе с тем упоительно пахло опавшими листьями, птицы носились как сумасшедшие. Но вчера небо сделалось свинцовым, стало сочиться унылым колючим дождем. Сегодня осень сделала следующий шаг в сторону неминуемой зимы — поднялся ветер, резко похолодало, дождь шел, не делая передышки.

Мне, в общем-то, это было на руку. Задача была сформулирована заранее. Мне нужно было выйти за калитку в строго определенный момент и укрыться в тени старого раскидистого дерева, встать в выбранное место, где ветки особенно густые и меня точно никому не будет видно, даже если присматриваться специально.

Но в такую погоду гуляющих ожидать не стоило, погода не располагала к тому, чтобы наслаждаться свежим воздухом.

Времени у меня было мало, задуманное следовало сделать очень быстро, чтобы не успеть промокнуть под дождем, не нужно, чтобы кто-нибудь потом вспомнил о том, что у меня были мокрые волосы. Мною, конечно, была придумана подстраховка, но все-таки... Береженого, как говорится, Бог бережет, хотя в данном случае кощунствовать, упоминая Господа, не стоит.

Встать пришлось не совсем там, где планировалось, потому что с веток прилично капало. Какое счастье, что мне в свое время пришлось в голову купить очки ночного видения, без них в такую погоду мне пришлось бы нелегко.

Дыхание мое почти остановилось, взгляд был прикован к входной двери. Руки не дрожали, сердце билось гулко, но ровно.

Наконец дверь открылась и громко, звонко залаяла Пума. Она бесновалась перед калиткой, и, как только та открылась, собака рванула по тропинке: здесь никто не надевал на нее поводок, не было надобности. Пусть побегает, пока за городом.

Вслед за Пумой из калитки выскользнула женская фигурка в розовой куртке с низко надвинутым на лоб капюшоном и в спортивных штанах типа лыжных. Ветки дерева заслонили от меня ее лицо, да мне и не хотелось его ви-

деть. Только не сейчас. Мне даже показалось целесообразным на всякий случай сделать шаг назад, в сторону ствола, хотя на мне была черная одежда и различить мой силуэт и так было бы очень непросто.

Действовать нужно было быстро. Во-первых, в такую погоду долгой прогулки с собакой не будет. Пума, скорее всего, немного пробежится, сделает свои собачьи дела, и ее загонят домой. Во-вторых, никто не должен заметить моего отсутствия.

Женщина в розовой непромокаемой курточке не стала далеко отходить от калитки: мало приятно шлепать по лужам в темноте. Отпустив собаку, она встала ко мне спиной — как раз то, что нужно.

Мне оставалось только прицелиться и спустить курок. Целиться надо было в капюшон, чтобы никаких реанимаций, никакого тяжелого, но стабильного состояния и тому подобного. Только смерть. Верная и мгновенная. Каждая секунда промедления могла обрушить весь сценарий, и другого уже не будет, это мне было понятно. На еще один план у меня просто не хватит решимости.

Розовая курточка топталась на месте, ожидая, когда убежавшая собака снова появится в поле зрения.

Шаг вперед. Я достаю пистолет, подхожу максимально близко. Сжимаюсь как пружина, стискиваю губы.

Я стреляю. Розовая курточка падает на тропинку. Звук выстрела, смягченный глушителем, не говоря уже о дожде, слышен только мне.

Я не оглядываюсь, быстро шагаю по тропинке, ведущей к дому, но не захожу внутрь. В роще за домом мною облюбовано дерево с дуплом, я легко нахожу его с помощью очков ночного видения, поднимаю ногу и делаю решительный шаг по покатоному стволу. Забрасываю пистолет в дупло, поднимаю с земли ворох мокрых прелых листьев, отправляю их вслед за отработавшим свое оружием. До поры до времени пистолет будет лежать там, а в дальнейшем я легко извлеку его оттуда.

Надо успеть войти в дом до того, как собака вернется с пробежки, и я не мешкаю. Открываю заднюю калитку и ныряю в темный двор. Еще несколько секунд, и я открываю дверь, так называемый черный ход, расположенный с противоположной стороны от главного. Я снимаю резиновые сапоги, такие же запачканные, как и другие пары на обувной полке, зная, что через несколько минут они высохнут и невозможно будет понять, какие именно сапоги намокли и испачкались позже,

чем остальные. Дождевичок-накидка присоединяется к остальным, таким же. Их никто не отличает, все берут первый попавшийся, потому что они одинаковые. А вот то, в чем я обычно хожу, висит в шкафу сухое и абсолютно чистое.

Не снимая нитяных перчаток, я иду туда, где мне в данный момент и следовало бы находиться. И тут начинает громко и отчаянно лаять Пума.

Глава 1

— Аркадий сможет приехать только к вечеру, — сообщила Наташа, отложив телефон после разговора с братом, — у него важная встреча или мероприятие, я толком не поняла, которое он не может отменить, потому что все люди, которые в этом участвуют, слишком заняты и время согласовывалось заранее.

— Ну и в чем проблема? — пожал плечами Алексей. — Будет не обед, будет ужин. Не принципиально. Не забывай, что это пятница, пробки, на обед и так не стоило настраиваться.

— В общем и целом не принципиально, — согласилась жена, — просто мне как-то уже это виделось... Я думала, что гуся стоит есть днем, а не вечером, все-таки он жирный. После обеда мы бы погуляли или еще чем-то занялись, а вечером угостились бы чем-нибудь легеньким. Ну или десерт, торт там или еще что такое...

— А торт легенький для вечера, да? — хмыкнул муж. — Я вообще не думал, что ты захочешь торт, ты же ничего такого не ешь.

— Но другие-то едят!

— Ты всех специально опросила, что ли? Ты уверена, что все будут есть торт после жирного гуся? Что-то я сомневаюсь.

— Наверное, ты прав, — задумалась Наташа, — но теперь этот вопрос в любом случае отпадает. Гусь будет на ужин, без Аркаши застолье начинать не будем.

— А он точно приедет к ужину? Не получится так, что он задержится в Москве и наши гости будут ждать его до ночи? Это будет уже не день рождения, а черт-те что.

— Нет-нет! — Наташа жестом показала, что такой вариант полностью исключен. — Ты же знаешь, Аркаша четко планирует свое время, это самый пунктуальный человек из всех, кто мне встречался в этой жизни. Он уже рассчитал, сколько времени ему потребуется на работу и на дорогу. И потом он никогда не обещает того, что не сможет потом выполнить. Он сказал, что может приехать раньше, но позже — точно нет.

— А раньше — это в каком случае? Он предупредит заранее или ему это будет неудобно?

— Он сказал, что если кто-то из участников не сможет присутствовать, то мероприятие

пройдет быстрее, чем планировалось, и тогда он сразу сядет в машину. А Аллу привезет к нему водитель, чтобы лишнее не накатывать по пятничной Москве.

— И он сообщит, когда будет выезжать из Москвы?

— Да, это он обещал.

— Что ж, тогда можно что-то планировать. Более или менее плюс-минус километр.

Наташа улыбнулась, поднялась из кресла, пошла к буфету.

— Налить тебе вина?

Алексей пожал плечами.

— Налей, хотя я предпочел бы глоток виски. Что ты решила с гостями? Давай определимся поточнее хотя бы с этим.

Наташа открыла дверцу бара, спрятанного в стильном секретере, задумалась, прежде чем что-то из него достать, потом резко повернулась к мужу.

— Мы же об этом говорили, — заявила она, — с тех пор ничего не изменилось. Никаких шумных вечеринок, только Аркаша с Аллой, твоя Полька, которая уже предупредила, что придет с женихом, Роберт с женой. Пожалуй, все.

— Ты без Роберта дня прожить не можешь, ей-богу, — съехидничал Алексей, — неужели он тебе на работе не надоел? Или такие красавчики никогда не надоедают?

— Если бы я его воспринимала как ненадоедающего красавчика, я бы не приглашала его на семейный праздник, да еще и с женой. — Наташа легонько щелкнула мужа по носу и протянула ему стакан с виски. — А ты такой ревнивец, как я балерина. Не твой стиль. Не умеешь ревновать, не берись.

— Ладно, я сначала потренируюсь, — пообещал муж.

Несколько минут они в полном молчании пили каждый свой напиток, Наташа первой прервала паузу.

— Может, ты хочешь кого-нибудь пригласить? Ну, кроме Польки.

— Это же не мой день рождения, а твой.

— Ну и что? Мне же хочется, чтобы не только я, но и все были довольны и приятно провели время. Что такого странного я предложила?

Алексей пожал плечами.

— Ничего, вроде бы ничего. Спасибо. Но гостевых спален у нас только три, как раз по числу приглашенных. Где размещать еще кого-то, я не знаю. Да и стоит ли? Тот, кого разместишь не в спальне, может обидеться. Мало ли... Мне вообще-то моей семьи для хорошей компании вполне достаточно.

— Да, ты прав. Но если вдруг захочешь кого-то пригласить, я заранее не против.

Остаток вечера прошел в обсуждении, что все-таки будет главным блюдом — гусь с яблоками или фаршированная рыба. Закуски и всевозможные перекусы решили заказать, ибо готовить самим для большой компании было бы слишком утомительно. У супругов Долгих была давно облюбованная точка японской кухни с обширным меню, а также изумительный ресторанчик, практикующий работу навынос, где хорошо готовили изысканные паштеты и горячие закуски.

Однако главное блюдо на дни рождения, Новый год или другой какой-то праздник, по случаю которого семье удавалось собраться в полном составе, Алексей всегда делал сам. Зимой это был гусь, осенью, на день рождения Наташи, — фаршированная рыба, рецепт которой он почерпнул у своих одесских родственников.

Обычно Наташа не устраивала пышных праздников в день рождения, брат в силу своей исключительной занятости день в день приезжал редко, с сотрудниками она праздновала на работе. Пара приятелей, интимный ужин в ресторане или городской квартире — так они отмечали обычно.

Сорокалетие — другое дело. С рыбой возиться было долго и очень утомительно, но Алексей не жаловался — рыбы после гостей,

как правило, оставалось достаточно, чтобы наслаждаться этим исключительным блюдом еще день, а то и два. Было ради чего кочевряжиться на кухне.

В Одессе это блюдо готовили из трех сортов речной рыбы: обычно из сазана, карпа (или щуки) и судака. Рыбу следовало не только очистить от чешуи, но и аккуратно снять с нее кожицу. Отделить мясо от костей и пару раз прокрутить, чтобы фарш был совершенно однородным. Потом нужно было почистить и порезать лук, шелуху потушить в казане, сам лук прокрутить и добавить к рыбе. Из готового фарша формировались котлетки, каждую из которых необходимо было обернуть полоской рыбьей кожицы. Потом вся эта красота тушилась в казане, где до того пребывала луковая шелуха, которая придавала котлеткам особый аромат и оттенок.

В общем, хлопот с готовкой было много, но у блюда был такой божественный вкус, что периодически Алексей все-таки утруждался. Аркадий, собираясь к ним в гости, частенько намекал: рыба, мол, будет? И для Наташи это блюдо было самым желанным подарком.

Однако сейчас Алексей сомневался: все-таки готовить придется на большую компанию, он так убьется за день с этой рыбой, что за ужином просто упадет под стол от усталости. Пото-

му он и предложил приготовить гусей, это все-таки попроще. Наташа согласилась, но видно было, что у нее испортилось настроение.

Алексей сначала вздохнул с облегчением, но потом, по мере обсуждения деталей праздника, стал задумываться. Наташе так хотелось побаловать и себя, и любимого брата, что когда встал вопрос о гусе, все остальное ей сделалось безразлично. Алексей понял, что она расстроилась, это было видно.

В день сорокалетия жену огорчать не хотелось, тем более что она успела наобещать брату фирменное блюдо, которым тот восхищался всякий раз, когда отмечали какой-то праздник вместе и когда Алексей снисходил до приготовления своей исключительной рыбы.

Получалось, надо соглашаться на рыбу, но искать помощника. Кто-то должен был сделать заготовку, черную работу: отделить рыбу от костей, прокрутить фарш, почистить лук.

Грузить этой работой свою младшую сестренку Польку ему бы и в голову не пришло: ребенок приедет на уик-энд отдохнуть, а не стоять на кухне.

Пришлось среди недели смотаться в поселок, где находится загородный дом, навеститься в местный ресторан и нанять женщину-повара, которая за хороший гонорар с удовольствием согласилась проделать необходимую работу.

В общем, к четвергу огромное количество рыбы и мяса для шашлыков было загружено в микроавтобус, вина и другие напитки закуплены, закуски заказаны. Все шло по плану.

Наташа любила праздновать, строго попадая в дату, потом она уже не чувствовала себя героиней дня, ощущение торжества уходило. На этот раз день рождения пришелся на пятницу, и это было отличной возможностью сначала принять поздравления от коллег, а потом насладиться ужином в кругу семьи. И впереди еще оставалась долгая суббота, которую вся компания должна была провести в загородной праздности: за прогулками, игрой в карты и шашлыками.

Погода, правда, неожиданно испортилась, и прогулки оказались под угрозой, но в доме при уютно потрескивающем камине тоже приятно было провести время.

Как обычно в свой день рождения, Наташа проснулась поздно, в половине десятого. Алексея дома уже не было, он встал ни свет ни заря и отправился хлопотать, оставив на столе в кухне огромный букет белых роз. Лабрадора Пуму забрал с собой.

Интересно, какой подарок он приготовил, думала Наташа, пока кофемашина готовила ей первую чашку капучино.

Именинница приняла душ и к десяти была готова к приходу Инночки — визажиста, услугами которой пользовалась уже много лет. Наташе нравилось, что Инночка работает быстро и никогда не мелет чушь.

И сейчас укладка не заняла много времени, а в макияже Наташа всегда проявляла сдержанность, если не сказать минимализм. Никаких накладных ресниц, килограммов тонального крема, ярких теней и жутких бровей. Наконец-то вся эта грубая вульгарщина вышла из моды, теперь можно быть собой, не отступать от своих традиций и при этом быть в тренде.

К двенадцати Наталья Борисовна Долгих отправилась на работу. Она знала, что ее ждут букеты, подарки и радостные лица коллег. К полудню доставят сеты из ее любимого суши-бара: с угрем, креветками, кальмарами, авокадо, лососем, икрой — всегда свежайшие и разнообразные. Вино уже охладилось, Наташа предвкушала праздник каждой своей молекулой. Боже, как она любила свою работу!

Наташа — эндокринолог, хороший эндокринолог. Закончив медицинский вуз, пройдя ординатуру, она готовила себя к работе в больнице, мечтала написать диссертацию и когда-нибудь возглавить отделение.

Вышло все не так, вышло гораздо лучше. Аркаша, уезжая в Москву, звал младшую сестру

с собой, но Наташа, трусиха, не решилась. Кто-то должен был оставаться с родителями, которые тогда еще были живы, кто-то должен был становиться им опорой. И вообще...

Ей было страшно, она боялась не соответствовать, стеснялась своей провинциальной нерешительности, считала, что Москве нужны другие качества. Аркаша был ими наделен, Наташа — нет.

Работать в больнице оказалось не так уж и радужно, в начале ее карьеры медикам платили совсем мало, ехать до работы было далеко, отделение отчаянно нуждалось в ремонте.

Жизнь стала меняться, когда у Аркадия наметился резкий скачок в карьере. Он поднимался быстро и уверенно, каждая следующая должность была перспективнее и круче прежней. Он попал в свою струю. Стал опять звать сестренку в столицу, но Наташа все никак не могла решиться. Аркаша в конце концов плюнул на уговоры и стал «управлять семьей дистанционно».

Сначала он помог ей открыть свою практику — совсем крошечный консультационный кабинет. Сам решал, какие в нем будут цены, чтобы не отпугнуть, а привлечь потенциальных клиентов. Потом стал расширять возможности — поселил Наташу в хорошее помещение, купил диагностическое оборудование:

несколько аппаратов УЗИ, прибор для определения степени диабетической полинейропатии, расширил штат, затем дело дошло до собственной лаборатории, где можно было сдать необходимые анализы.

За десять лет врачебный кабинет превратился в маленькую, но имеющую хорошие отзывы клинику «Гиппократ», специализирующуюся на лечении диабета.

Наташа активно участвовала в областной программе «Живи долго», ее врачи и медсестры выезжали в парки и торговые центры — туда, где проводились бесплатные медицинские скрининги. Они помогали людям и заодно зарабатывали отличную репутацию, делали себе великолепную рекламу. «Гиппократ» участвовал во всех программах борьбы с диабетом, в ежегодный день борьбы с диабетом «Гиппократ» проводил бесплатный прием граждан, многие из которых потом становились их верными клиентами.

Недавно Наташа поняла, что вполне созрела для собственной программы, идею которой предложил ее новый заместитель Роберт Николаевич Крайнович. Его, кстати, тоже где-то откопал Аркадий и предложил Наташе попробовать с ним поработать, так как о нем отзывались как о хорошем менеджере от медицины.

Наташа попробовала и не пожалела. Роберт умел заинтересовать публику, внедрял разные интересные подходы в раскрутке учреждения, дружил с журналистами, лечил нужных людей, которые выражали готовность помочь в любых вопросах. Словом, он был человеком дела.

В последнее время Аркаша опять заговаривал о том, чтобы продать бизнес или оставить его на Роберта, а самой Наташе переехать в Москву, но она опять мялась, сомневалась и отнекивалась, но теперь уже по совсем другой причине.

Недавно «Гиппократ» не без помощи Аркадия приобрел этаж в суперсовременном жилом комплексе в центре города. Выглядел он респектабельно: дорогие двери, со вкусом отделанный фасад, ухоженные туи перед окнами. Роберт ввел систему абонементов, и постоянные клиенты с невысокими доходами имели существенные скидки, в тех, кто мог платить по полной программе, тоже недостатка не было. Здесь не заставляли пациентов делать ненужные анализы и дорогостоящую диагностику, чтобы только выманить из них как можно больше денег, и люди понимали это и ценили. Здесь не пытались никого обмануть и развести, поэтому хорошая репутация за клиникой закрепилась и становилась все более незыблемой с каждым днем. В преис-

курант не включались интерьеры и фикусы в кадках, пациенты платили только за диагностику и конкретную врачебную помощь. Наташа продолжала участвовать в медицинской благотворительности: проводила бесплатную диагностику, консультационные приемы. Траты на эти мероприятия оказывались несопоставимы с эффектом: все больше диабетиков узнавали о клинике и ее добром имени, все большее число пациентов приходило за помощью в «Гиппократ». Каждый пациент был отцифрован, и никому не приходилось сидеть в очередях, их попросту не было.

Никому на свете Наташа не призналась бы, но себе она давала отчет в том, что больше всего любит не свою работу как призвание и не пациентов, не сам процесс борьбы с болезнью, не осознание того, что она помогает людям. Это было важно и нужно, это составляло смысл работы, но не доставляло наслаждения.

А само удовольствие Наташа начинала получать в тот момент, когда приближалась к офису и получала удовлетворение от его внешнего вида. Отделка — кирпичик к кирпичику — завораживала ее. Туи служили олицетворением респектабельности и комфорта. Она открывала дверь и, входя в помещение, вместе с приятным запахом ощущала покой и умиротворение.

Те же самые чувства должны были испытывать и ее пациенты, в этом она была уверена. В просторном холле, где располагался ресепшен (то бишь регистратура), было светло, в центре зала царственно лежал дорогой ковер, на стене громко тикали огромные ходики, в кадках дышали здоровьем и свежестью трехствольная драцена, огромный фикус «Наташа» (подарок на ее очередной день рождения). На столе администратора всегда стояла свежая орхидея. Помещение разделялось на две части: в одной располагались кабинет приема анализов, лабораторный зал, каморки с диагностическими приборами, дальше шли врачебные кабинеты и бухгалтерия, она же отдел кадров. Другая часть была маленькой, и в ней находились небольшая комната для совещаний, просторный офис руководителя и небольшой — заместителя.

Наташа обожала свой кабинет. В нем было все, о чем в молодости она даже не мечтала: большой дорогой стол, удобное кресло, два шкафа для бумаг и элегантный уголок для бесед — кожаный диван, два кресла и стеклянный столик, в центре которого стояла неизменная вазочка из муранского стекла с засушенными цветами. Спокойные светлые обои украшали две абстрактные картины.

Наташе здесь было хорошо. Так хорошо, что со временем она перестала хотеть уходить отсюда. Не из-за кресел, конечно, но факт есть факт. Ей тут нравилось. Ей было уютно, здесь она жила полной жизнью. Это ощущение полного покоя, уюта и комфорта она и любила больше всего. И если бы не Аркадий, не его потрясающие, почти неограниченные возможности, ничего этого в ее жизни не было бы. Так же, как и в жизни Алексея не было бы даже намек на тот уровень, которым он обязан ее брату.

Леша хороший человек, но он не из тех, кто добивается настоящего успеха. Не фартовый он. Не ловкий, не изобретательный, что ли. И решительностью он не обладает. Если бы Аркадий не обеспечил ему источник в виде госзаказов, так бы и валандался Леша где-то в предпоследнем вагоне всю жизнь.

К дню сорокалетия своей начальницы сотрудники «Гиппократа» подготовились основательно. Смонтировали поздравительный видеоролик, сочинили довольно остроумные стихи, купили новый маленький фикус «Наташа», к которому тоже прилагалась поэзия, и здорово угадали с подарком. На сорокалетие сотрудники подарили Наталье Борисовне картину — морской пейзаж, волнующий, прекрасно написанный. Узнав подпись своего

любимого местного художника, Наташа даже слегка покраснела: так приятно ей было получить этот подарок.

Настроение было прекрасным, даже несмотря на то, что погода портилась: по небу стремительно побежали черные рваные тучи, периодически на пешеходов набрасывался злющий ветер, дождь грозился набрать силу, но все никак не решался: небрежно швырял холодные капли и снова уносился, гонимый куда-то потоками воздуха.

Наташа вышла на улицу, но к машине не спешила, ожидая, когда за ней последует Роберт. Наконец дверь открылась и ее заместитель выглянул на улицу.

— Ты еще не уехала? Во сколько мы должны быть на месте? Часикам к пяти? Раньше, наверное, и смысла нет, погода портится.

— Надеюсь, испортится только погода, но не наше настроение, — ответила Наташа, — неужели мы не найдем чем заняться в осенний вечер? Поиграем в карты или в дартс, выпьем, можем потанцевать. Так что не припоздняйтесь.

— Окей, я вообще-то сегодня планировал пораньше освободиться, так что долго ждать меня не придется.

— Небольшая поправка: не тебя. Вас с женой, — вставила Наташа.

— Не начинай, ладно? Не сейчас.

Наташа ничего не ответила, махнула пальчиками и пошла к машине. Пора было ехать, пока не начались пятничные пробки, которые Наташу, как и всякого нормального человека, очень сильно угнетали.

День был пасмурный, поэтому Леша рано зажег свет в доме. Пока Наташа шла от калитки через двор, успела разглядеть, что свет на полную катушку горит только в кухне, где уже готовится волшебная фаршированная рыба, а гостиная лишь слегка подсвечена торшером. В одной из гостевых спален на втором этаже угадывается свет настольной лампы, пробивающийся из-за штор. Полька уже приехала, ее аккуратненькая красная «Мазда» стояла перед воротами калитки, видно, девочка приехала недавно, еще не успела поставить машину в гараж. Впрочем, гараж не был рассчитан на большое количество машин, так что сегодня все равно кому-то нужно будет ночевать под открытым небом. Наташа не видела в этом большой проблемы для себя. Главное, что тут было достаточно территории для парковки и за сохранность автомобиля переживать не приходилось, место тихое и спокойное.

Дождь прекратился, Наташа с наслаждением вдохнула вкусный, влажный, пахнущий хвоей воздух и пошла к дому.

Ей ужасно нравилось украдкой заглядывать в окна: и в чужие, и, что самое смешное — в свои собственные. И сейчас она не удержалась от того, чтобы хоть на мгновение доставить себе удовольствие и посмотреть, как ее жилище выглядит, если смотреть на него снаружи.

Шторы не были задернуты, в гостиной царил уютный полумрак. Польшка, устроившись в кресле с ногами, читала книжку под светом торшера, на столике перед ней стояла большая чашка чая, из которой еще поднимался пар, и маленькая бутылочка ликера «Егермайстер» с рюмочкой, которую Поля уже ополовинила.

Картина была настолько мирной и благогостной, что Наташа невольно залюбовалась. Боттичеллиевская рыжинка в Полькиных волосах, завитки мягких волос, ее прелестные веснушки...

Если она, Наташа, примет решение, пожалуй, ей будет не хватать этой девочки — такой настоящей, искренней, такой нежной. Дружьями остаться не получится. Да много чего ей будет не хватать, но сейчас не время думать об этом.

Наташа встряхнулась и решительно направилась к входной двери, из-за которой уже слышался радостный лай Пумы, почувствовавшей приближение хозяйки.

Приход Наташи распознала не только Пума, которая уже отчаянно скребла дверь, но и Леша — он открыл еще до того, как Наташа всунула ключ в замочную скважину. На нем был кухонный фартук, он что-то жевал.

— С днем рождения, жена, — сказал он, что-то проглатывая, — идем, буду тебя поздравлять.

Наташа согласно кивнула.

— Не знаю, понравится ли тебе это, но все-таки надеюсь...

Наташа практически не носила ювелирных украшений и никогда сама себе их не покупала. Она любила дорогую бижутерию или жемчуг. Но когда Алексей открыл коробочку, Наташа ахнула: на черном бархате посверкивал комплект из белого золота с бриллиантами — небольшими, но чистыми и сияющими, очень оригинального дизайна.

— Какая прелесть, — искренне произнесла она, думая о том, что даже зануда-муж иногда способен проявить фантазию.

Наташа поцеловала его в щеку.

— Боже, ты весь пропах рыбой, — отстранилась она, — надеюсь, ты примешь душ перед ужином.

— Так ведь для тебя стараюсь, — обиженно заметил Алексей, — твой заказ выполняю, если что. Правда воняет?

— Да я шучу, — улыбнулась Наташа, — но в душ перед ужином все-таки сходи, кулинар.

Со второго этажа спустился Полькин жёных, симпатичный мальчик по имени Роман, и они тоже вручили Наташе свой подарок — авторскую напольную вазу. Ближе к пяти приехали Роберт с женой Еленой, вручили Наташе красивый серебряный браслет, слегка массивный, на Наташин взгляд. Вообще-то она любила заметные украшения, и браслеты тоже, хотя носила их нечасто — они мешали ей на руке. На этом браслете имелась подвеска — серебряная пузатая кошка с изумрудными глазами.

Наташа украдкой взглянула на Роберта, поняла, что изделие выбирал он, и сразу же решила, что будет с удовольствием его носить.

Роберт был неопиcуемо хорош со своей гривой непокорных, вьющихся смоляных волос и едва проступающей небритостью. Он снял куртку, под которой были лёгкий замшевый пиджак и лиловая водолазка, которая очень ему шла.

Перед встречей с Еленой Наташа заметно волновалась, даже ладони вспотели. Они никогда раньше воочию не встречались. В «Гиппократе» не было принято приводить жёных на корпоративные праздники, потому что они были очень камерными и проводи-

лись исключительно днем, без помпы. А вот пригласить своего зама на юбилей, да еще и с ночевкой без жены уже никак нельзя, это будет вызов. И Наташа не была уверена, что его примет сам Роберт. Не говоря уже о том, что такой вызов был бы принят его женой.

Елена оказалась хрупкой и невысокой, со светлыми волнистыми волосами до плеч. В ней не было ничего особенного, просто молодая изящная женщина без особых примет, одетая в строгий брючный костюм. Только топик под костюмом был вечерний — кружевной, расшитый бисером.

Наташа чуть не задохнулась от нахлынувших на нее чувств. И вот эта мышка имеет неограниченную власть над таким мужчиной, как Роберт? Он — суперпрофессионал, эрудит, душа компании, писанный красавец, он излучает энергию, которой хватит, чтобы озарить светом целый город! И место рядом с ним занимает вот эта бледная, анемичная крошка?

Наташа присмотрелась к ней повнимательнее. Да, пожалуй, мила. Прозрачное, фарфоровое лицо с голубыми глазами и мелковатыми, на взгляд Наташи, чертами. Хорошо сложена. Но она мышка, маленькая хорошенькая мышка, не более.

Наташа готовила себя к встрече с роковой красоткой, с женщиной-вамп, но никак

не с этой птичкой-тари в черном брючном костюме. Костюм, правда, был дорогой, но Наташа ожидала увидеть красотку в шелках и с голыми плечами. Ошиблась.

Наташа встретилась с Еленой взглядом, и ей показалось, что в глазах Робертовой жены она уловила усмешку. Может ли такое быть? Или все-таки померещилось?

Провожая гостей в их комнату, Наташа уловила изысканный запах «Герлена», исходящий от Елены, отметила легкость ее походки и, увы, не смогла пропустить мимо внимания нежные соприкосновения рук супругов, которые производили впечатление очень счастливой и любящей пары.

Настроение начинало портиться, но Наташа не дала волю неприятным ощущениям, вспомнив кое-что, о чем птичка-тари, видимо, и не догадывалась.

К себе и к своей внешности Наташа относилась объективно — так она, во всяком случае, считала. Да, ей уже сорок, но это не плохо и не хорошо. Это просто жизнь. Она не девочка, но и до старухи ей далеко. Наташа думала, что и будучи старухой не станет делать из возраста трагедии: просто в ее жизни изменятся ориентиры, то, что сейчас важно, окажется необязательным, но откроется и нечто, недоступное ее сегодняшнему мировосприятию.

Каждый возраст имеет свои преимущества, она была уверена в этом. Период активной женской жизни скоро закончится, и ей не хотелось терять ни одной минуты, ни одного мгновения, хотелось напоследок впитать все ощущения, которые через некоторое время останутся лишь в воспоминаниях. И ничто не должно ей мешать. Птички-тари уж точно.

Вообще-то Наташа недурна собой. Она тоже невысокая, но у нее выразительная фигура, чистая и гладкая кожа, прямой тонкий носик, чувственные губы, не нуждающиеся во вмешательстве хирурга. Может быть, она и не красавица, но все считают ее очень хорошенькой. Чего стоят одни только трогательные ямочки у нее на щеках! Нет, бледная маленькая Леночка ей не конкурент.

Ближе к шести наконец у калитки посигналил Аркашин «Мерседес», и Наташа со всех ног бросилась встречать брата. Пума бесновалась и оглашала дом звонким лаем. Она обожала выезды за город, потому что там было где порезвиться и там она не оставалась в одиночестве на время рабочего дня. И еще Пума любила гостей: все ее развлекали, играли с ней, гладили, никто не ссорился и не молчал подолгу. Раз в доме гости, значит, будет что-то особенно вкусное, что не дают каждый день. И каждый будет баловать ее и угощать втайне

от хозяев. И гулять поведут не как обычно, а основательно, только бы не было дождя. Пума умела быть ласковой, и за это ее вознаграждали — все хотели с ней пройтись.

— Пума, осторожно! — воскликнула Алла, когда собака на радостях поставила мощные лапы ей на плечи. — Ты испортишь мне одежду.

Алла старалась говорить строго, но надолго ее не хватило: Пуму все любили. Пума отвечала взаимностью всем, и когда Алла наклонилась, чтобы потрепать собаку за ушком, она была мгновенно облизана.

— Ты решила начать с уничтожения моего макияжа, мерзкая собачонка? — Алла схватила Пуму за мощную шею и прижала к себе: — Как же я по тебе соскучилась!

Аркаша и его молодая жена ворвались в дом, как всегда, вихрем, заряжая всех вокруг своей мощной энергетикой. Высокий, крупный Аркадий и миниатюрная Аллочка каким-то странным образом были настолько гармоничны вместе, что даже трудно было представить их порознь.

Алла была второй женой Аркадия, с первой, приобретенной еще в студенчестве, у него не заладилось, потом были другие романсы, но они не оформлялись официально. Аллочка внесла в его жизнь энергию и вдох-

новение. После развода он некоторое время был полностью погружен в работу: делал карьеру, достигал больших высот. Ему были по карману и длинноногие модели, и юные силиконовые дурочки, но ни одна из них не появилась рядом с ним. Появилась Аллочка — живая, улыбчивая, яркая брюнетка с непокорными, вьющимися волосами и ладной фигуркой. Аркадий познакомился с ней в Таиланде, где Аллочка работала гидом в крупной туристической компании. Она хорошо говорила по-английски и по-французски, была очень активна физически, Аркашу она очаровала во время поездки на райский остров Ранг-Яй, где он возблагодарил Бога за то, что не взял с собой в Таиланд никакую случайную подружку, а поехал один, чтобы немного отдохнуть от людей, подумать и побыть в одиночестве.

В Москву они вернулись вместе и с тех пор уже не расставались. Казалось, что Аллочка совершенно не способна относиться плохо хоть к кому-то, разве только к врагам Аркадия, о которых она, слава богу, знала только понаслышке.

— Наташка, мне немедленно нужно выпить, — заявил Аркадий с порога, — я так устал от этого сидения в машине, хочу пить и жрать.

Только после этого он обнял сестру, нежно поцеловал в щеку.

— Подожди минутку, я принесу, — засуетилась Наташа, — Пума, оставь в покое Аллочку!

Пока Алла разувалась и обнималась с собакой, Наташа достала из бара посуду и бутылку виски.

— Привет, именинница! — воскликнула она, входя в гостиную. — Какая ты красotka!

Аллочка приняла из рук Наташи пузатый стакан, подождала, пока родственница нальет Аркадию и Леше, который уже прискакал из кухни и даже успел обнять гостей.

Все чокнулись. Аркадий выпил налитое залпом и немедленно потребовал:

— Почему экономишь на брате? Еще хочу, я устал.

Наташа немедленно выполнила указание.

В это время Аллочка выразительно переглянулась с мужем и после его кивка на несколько секунд исчезла и появилась в комнате с большим фирменным пакетом.

— В нынешних условиях такое достать невероятно сложно, так что оцени усилия, сестричка, — сказал Аркадий в то время, когда Аллочка вытряхнула из пакета нечто, заморожившее Наташу еще до того, как она успела понять, что перед ней настоящая «блекглама» — черная норка высочайшего качества.

Не в силах выдохнуть Наташа схватила шубу и сунула руки в рукава. Изделие сидело

на ней идеально! Боже, как она была восхитительна! Шелковистый мех иссиня-черного цвета переливался, был легким и воздушным. Это был шик в его самом изумительном, самом великолепном проявлении. Особенно сейчас, когда такие вещи купить в России стало невозможно, а за ее пределы многие, в том числе и семья Долгих, попросту перестали выезжать.

После благодарных поцелуев и восторженных всхлипов все выпили за роскошный подарок и здоровье именинницы.

— Слушайте, я не знаю, как вы все распланировали, но я жрать хочу так, что сейчас упаду в обморок, — предупредил Аркадий.

— Леш, когда мы можем сесть за стол? — засуетилась Наташа.

— Первая партия рыбы готова, — пожал плечами Алексей, — можем приступить хоть сейчас. А вторая партия будет пока тушиться.

— Все-таки будет рыба? — воскликнул Аркаша. — Тогда я требую немедленной подачи блюд!

— Окей, мы не дадим тебе умереть с голоду, — заверил его Леша, — приборы уже на столе, надо только всех созвать. Ужин будет через пятнадцать минут.

Решили пока немного выпить. Аллочка что-то щебетала, Елена играла с Пумой, Ро-

берт разглядывал многочисленные трофеи, которые супруги Долгих привозили из разных стран.

Его особое внимание привлекли картины в стиле «гаитянский наив», которые приехали из Доминиканы, его жене они, похоже, тоже понравились. На каминной полке, в специальной инкрустированной подставке стоял нож, лезвие которого было все изрезано какими-то символами, и Роберт все не мог добиться у Наташи, чтобы она вспомнила, откуда его привезли. Даже Алексей, вернувшийся из кухни, не мог сразу вспомнить его происхождение.

В итоге в столовой все собрались только через полчаса. Аркадий облегченно вздохнул: ну наконец-то его покормят.

Ужин не обманул его ожиданий. Паштет из утиной печени оказался нежным и натуральным, баклажановые рулеты — пикантными, овощи — свежими, суши и роллы стояли на отдельном стеклянном столике, но разбирались медленно, ибо все ждали главное, поистине царское угощение в виде фирменной рыбы. И она никого не разочаровала, получилась замечательно хорошо. Нежная, тающая во рту, удивительно вкусная — ее разбирали практически мгновенно. Надо было закладывать в казаны новую партию.

Когда первая часть ужина была закончена, решили сделать перерыв. Рома, Полькин жених, решил устроить фотосессию, пока все еще находятся в презентабельном виде, и гости, и хозяева с удовольствием фотографировались на фоне уютно потрескивающего камина в обнимку с собакой, перед великолепными напольными ходиками, которыми очень гордились хозяева дома. Можно было выпить по рюмке, послушать музыку, поболтать, потанцевать.

Пума, которой дождь несколько не мешал отправлять свои собачьи надобности, настаивала на прогулке. Она принесла в столовую свой поводок, положила его на пол и громко тьякнула. Пума любила, когда ее выводил погулять кто-нибудь из гостей, потому что их можно не слушаться, устанавливая свои, собачьи, правила прогулки. Но на зов лабрадора откликнулась Наташа.

— Сейчас пойдем, птичка моя, — сказала она, обращаясь к Пуме, — еще одна рюмочка текилы, прежде чем идти на холод, и вперед!

Пума недоверчиво рыкнула и застыла в ожидании, не отводя от Наташи влажных глаз.

— Леша, плесни мне немного текилки, и я пойду с Пумой, — обратилась Наташа к мужу.

— Роберт плеснет, мне на кухню надо, — отозвался Алексей.

Пума почувствовала ослабление интереса к своей персоне и недовольно заворчала.

— Собачка, не брюзжи, давай я схожу с тобой, — предложила Аллочка и подошла к Пуме, которая сразу же вскочила с места и завиляла хвостом.

— Очень красивая собака, — тихонько произнесла Елена, которой тоже хотелось погладить светлую шелковую шерстку, — вообще лабрадор — моя любимая порода. Мне тоже очень хотелось бы такую собаку.

— С ней надо гулять, дорогуша, — вставил Роберт, — причем в любую погоду.

— По-моему, это не только обязанность, но и удовольствие, — ответила Лена.

— Вот и погуляй с ней в дождь, прежде чем задумываться о собственной собаке, — предложил муж.

— Запросто, если она не будет возражать, — сказала Лена, нежно глядя собаке в глаза.

Пуме окончательно перестало нравиться, какой оборот принимает дело. Все ее хвалили и норовили погладить по голове, но никто до сих пор не удосужился взять поводок и надеть куртку. В конце концов, обиженная до глубины души собака взяла поводок в зубы

и отправилась с ним в прихожую, откуда тут же донесся ее возмущенный лай.

В считанные минуты столовая опустела. Рома пролил на себя бокал красного вина и побежал в свою комнату менять штаны. Аркадию позвонил кто-то очень важный, и он тоже ушел к себе, чтобы спокойно побеседовать. Алексей скрылся на кухне. Роберт изъявил желание осмотреть библиотеку. Женщины, оставшись на какое-то время без сильного пола, тоже нашли себе каждая свое занятие, самым интересным из которых было разглядывание и примерка подарков.

Когда через некоторое время с улицы донесся взволнованный собачий лай с подвыванием, никто не насторожился. Мало ли кого в жухлой осенней траве узрела любопытная лабрадориха.

Потом в дверь громко постучали, и это уже было странно: неужели тот, кто гулял с Пумой, закрыл дверь на ключ? Зачем?

Алексей из кухни добрался до прихожей первым, пересек холл, взялся за входную дверь и обнаружил, что она открыта. Какой тогда смысл стучать? Кто-то чужой?

Пума, нисколько не заботясь о чистоте лап, хотя была воспитана в строгом соблюдении правила — сначала в ванную, потом в дом — ворвалась в помещение и истошно завопила.

За ней в дверь протиснулся сосед, владелец соседнего коттеджа, лысоватый дядька, чиновник городской администрации. На руках у него трясся от холода и испуганно моргал глазками крошечный мопс.

— Перед вашим домом кто-то лежит, — сообщил мужик, — я гулял со своей, — он кивнул на малышку, — слышу, собака громко лает и бегаёт вокруг чего-то. Подошел, а там женщина. На земле. Ничком. Посмотрите, вдруг кто-то из ваших? У вас же гости?

В этот момент в прихожей показался Аркадий.

— Что-то случилось? — поинтересовался он, вопросительно глядя на соседа.

— Вроде перед домом кто-то лежит, — объяснил Алексей, — это же перед домом, да?

Сосед кивнул.

— Пойдем посмотрим, — бросил Аркадий и снял с вешалки куртку.

Алексей поплелся за ним.

Аппетитные кулинарные ароматы, тепло обжитого уютного дома, ненавязчивая джазовая музыка — все мгновенно растворилось в темноте холодного, промозглого октябрьского вечера.

Мужчины подошли к калитке, перед ней действительно что-то виднелось: нечто ярко-

розовое на фоне земли. Пума бесновалась и завывала.

— Это Наташина собачья курточка, — оцепенело произнес Алексей, она в ней всегда с Пумой гуляет.

Аркадий решительно наклонился к лежащей на земле женщине и осторожно перевернул ее лицом вверх. Света из ярко освещенных окон было достаточно, чтобы различить даже веснушки на ослепительно-белой коже. И понять, что капюшон курточки залит кровью.

— О боже! — истерически взвыл Алексей. — Полька! Это моя Полька! Надо срочно «Скорую»!

— Боюсь, для «Скорой» уже поздно, — мрачно заметил Аркадий, поднимаясь на ноги, — ее убили выстрелом в голову.

Алексей замер и, казалось, окаменел. Его словно парализовало, он не мог ни говорить, ни двигаться.

— Ее нельзя трогать до приезда полиции, — сказал Аркадий.

— Ей холодно, она не может лежать здесь, в темноте. Одна. Как она будет здесь?

Аркадию потребовалось некоторое время и определенные усилия, чтобы увести родственника в дом. Он обещал ему, что останется ждать полицейских рядом с Полиной, но

через несколько секунд у калитки появился потрясенный Рома.

— Нет! Нет! Нет! — кричал он, давясь слезами, и Аркадию пришлось переключиться на него.

Потом Романа, конечно, кое-как увели домой, дали ему коньяку и чаю, он затих, но его вид пугал еще больше.

Алексей никак не мог выйти из ступора, не выпил ни глотка из предложенных ему напитков, смотрел в пустоту и только периодически беззвучно шевелил губами.

Аркадий лихорадочно куда-то звонил, чего-то требовал, кого-то просил о помощи и к глубокой ночи добился наконец обещания, что дело будет передано лучшему следователю из всех возможных.

Женщины все это время были сбиты в кучку, Роберт поил их кого — успокоительными, кого — коньяком. Сам он был пьян уже к десяти вечера. Не рассчитал дозу, безопасную при стрессе.

Прибыла полиция, ждали следователя, которого выхлопотал Аркаша, но тот появился только ранним утром.